

«СОВРЕМЕННЫЙ СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ» ПОЛТОРА ДЕСЯТИЛЕТИЯ СПУСТЯ

.....

А. И. Кольба*

К 75-летию Ральфа Дарендорфа

Ральф Дарендорф — один из мыслителей, кого сейчас с полным основанием можно назвать классиком социально-политической мысли XX в. И дело здесь не только в количестве значительных работ, опубликованных им (а их насчитывается около двух десятков) и не в почтенном возрасте их автора, а в том, что и в новом столетии он остается активным научным и политическим деятелем. Дарендорф известен прежде всего как один из ведущих представителей «конфликтной парадигмы» изучения социальных процессов, давшей значительный импульс развитию социальных наук во второй половине XX столетия. Сформулировав ее основные положения с предельной остротой («не наличие, а отсутствие конфликтов является чем-то удивительным и ненормальным» (цит. по [5, с. 457]), «тот, кто умеет справиться с конфликтами путем их признания и регулирования, тот берет под свой контроль ритм истории» [10, р. 139-140]), он уже в ранних своих произведениях рисует картину динамического мира власти и конкуренции, атрибутами которого являются изменчивость и конфликтность. Сосредоточь Дарендорф внимание лишь на рассмотрении «собственно конфликта», на узкоспецифических вопросах его возникновения и протекания, скорее всего, он привлекал бы внимание лишь узкого круга специалистов. Однако его работы отличает размах и масштабность: здесь мы найдем и широкую эрудированность в вопросах мировой политики, и знание конкретных социальных проблем в различных странах, и полемическую критику теорий К. Маркса, Т. Парсонса, Р. Арона и других столпов социологической науки. Одним словом, исследования конфликта в них не просто вписаны в социальный контекст, но и неразрывно связаны с ним. Конфликты состав-

* Кольба Алексей Иванович — кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления Кубанского государственного университета. Электронная почта: alivka2000@mail.ru.

ляют «ткань» общественного развития — для Дарендорфа это не декларация, а способ осмысления действительности. Поэтому его работы, помимо прочего, интересны и с точки зрения изучения стиля мышления и изложения, демонстрирующего богатые исследовательские возможности конфликтной парадигмы.

К таковым, безусловно, относится и очерк «Современный социальный конфликт», впервые увидевший свет в 1988 г. В 1989-1990 гг. он был значительно переработан и расширен автором на основе анализа «тектонических» подвижек в устройстве современного мира, вызванных волной демократических революций в Европе и крушением «соцлагеря». Очевидно, эти события дали толчок некоторым новым соображениям сэра Ральфа, с реализацией которых текст работы приобрел окончательную завершенность. В этом варианте книга недавно была впервые опубликована и на русском языке [4].

Полтора десятилетия — хороший срок для того, чтобы вернуться к анализу работы, написанной на актуальную тему, и попытаться понять, верно ли были отмечены автором основные тенденции развития социальных противоречий, в чем и насколько подтвердились его выводы. Тем более что ряд утверждений, высказанных Дарендорфом, вполне применим для анализа опыта развития постсоветской России, хотя его сочинение выполнено в основном на материале стран «первого мира» — Западной Европы и США. Впрочем, это еще раз свидетельствует об имеющейся общности закономерностей развития всех общественных систем при всей их индивидуальной специфике. Целью нашей работы является исследование ряда проблем современного российского общества сквозь призму «нового прочтения» теории Дарендорфа на основе российского и мирового опыта последних полутора десятков лет.

Как отмечает сам Дарендорф, основная идея книги проста: современный социальный конфликт суть антагонизм между правами и их обеспечением, в котором ценности гражданского общества и их экономическое наполнение зачастую расходятся между собой. Автор с определенной долей изящества последовательно раскрывает ее, как бы освещая проблему с разных точек зрения, показывая все новые ее аспекты.

Выявить основу конфликтов в современном обществе и проследить их историческую эволюцию — вот одна из первоочередных задач очерка. Уже на первых страницах Дарендорф вступает в полемику с одним из всегдашних своих «заочных» оппонентов — К. Марксом, а также с его последователями (прежде всего с Ю. Хабермасом и его теорией «безвластной коммуникации»). Рассыпая в тексте иронические суждения — «его заблуждения достаточно интересны, чтобы заслуживать критического разбора», «события, которые теория должна объяснять, не подчиняются ее требованиям» [4, с. 12, 14], — Дарендорф выступает прежде всего против «историцизма», присущего, по его мнению, данной концепции. Понятия подменяют собой действительность, и теория становится «слишком хороша, чтобы быть пригодной для использования» [4, с. 15].

«Производительные силы», таким образом — совершенно бессмысленный термин, и утверждение, что некие политические силы действуют от их имени, догматично. Отношения между политикой и социально-экономическими изменениями, безусловно, существуют, но они не заданы раз и навсегда.

Дарендорф предлагает рассматривать эту связь как проблему взаимовлияния гражданских прав, формирующихся в политической сфере, и возможностей экономического обеспечения этих прав. Данные понятия (и их референты) далеко не тождественны друг другу: декларации о расширении прав (в сфере политики) далеко не всегда сопровождается адекватными гарантиями. Через всю эпоху модерна можно проследить конфликт между двумя стилями мышления, олицетворяемыми «партией обеспечения» и «партией прав». Эти партии «можно обнаружить повсюду», даже в рамках одного политического направления. В обществе эпохи модерна открываются новые «жизненные шансы». Что представляет собой указанное понятие? Как пишет Дарендорф, это «функция опций и лигатур», где опции — «специфические комбинации прав и их обеспечения», а лигатуры — «глубинные культурные связи, позволяющие людям найти свой путь в мире опций» [4, с. 34-35].

Таким образом, в жизни современного общества возникает множество вариантов взаимодействия политики и экономики. Первая ни в коем случае не подчинена последней, но, напротив, может быть и самодовлеющей. Однако эти взаимодействия всегда «вписаны» в общество, в специфические понятия и культурные репрезентации. В этом кроется еще одна проблема — «современность по сути есть разрыв с лигатурами прежних времен» [4, с. 37]. Но не все глубинные связи теряют свою силу, хотя многие из них теряют свой прежний смысл. «Эпоха модерна открывает неизвестные доселе жизненные шансы...» [4, с. 38] — многоточие, поставленное автором в конце этого суждения, превращает его в вопрос. Дарендорф разбирает противоречия, свойственные миру конца XX в., с позиций либерала. Главная ценность общества — свобода, которая, по его мнению, покоится на трех столпах: демократии, рыночной экономике и гражданском обществе. Особое внимание уделяется проблемам гражданского общества, без которого свобода «остается тростинкой на ветру» [4, с. 39].

Дарендорф отмечает, что общественный договор не является чем-то незыблемым, он «формулируется заново каждым новым поколением» [4, с. 43]. Источником этих изменений являются социальные конфликты; однако и они изменяются. Конфликты эпохи модерна характеризуются следующим образом: «... темой социального изменения служат гражданские права, а инструментом — классовая борьба... Источником классового конфликта служат структуры господства, которые больше не имеют абсолютного характера традиционной иерархии. Тема его — жизненные шансы. В тот момент, когда эти шансы будут связаны не с правами, а лишь с их обеспечением, социальный конфликт примет новую форму» [4, с. 45]. По мере продвижения гражданских прав из юридической в политическую, а затем в социальную сферу происходит смягчение классового конфликта, форм и методов ведения борьбы. Классовая структура об-

щества стран Запада во второй половине XX в. меняется, прежде всего за счет возникновения нового господствующего класса — «класса большинства», которому удалось достичь весьма высокого уровня закрепления и обеспечения гражданских прав. Однако при этом большинство продолжает устанавливать границы, затрудняющие получение тех же прав и возможностей для некоторых других слоев. Это могут быть безработные, люмпенизированные элементы, расовые и этнические меньшинства. Такое положение в свою очередь, порождает «фундаментализм», который «означает, что принадлежность к определенной группе придает человеку ауру избранности» [4, с. 206]. Меньшинства, в свою очередь, вступают на путь сепаратизма или стремятся навязать обществу свой вариант понимания гражданских прав. «Все это — атаки на цивилизующую силу гражданских прав во имя ложно понятого права на самоопределение национальной, религиозной, культурной автономии». «Право быть другим — одно из основных прав членов общества», но сепаратисты «хотят сначала получить латышскую Латвию... а уж потом, гораздо позже, дать гражданские свободы русским в Латвии» [4, с. 208-209]. Таким образом, либерализм, выступающий поборником гражданских прав и гетерогенности общества, сталкивается с национализмом, выступающим за гомогенность и приоритет национального.

Дарендорф — твердый сторонник либерализма. Он заявляет об этом словами другого выдающегося либерала, Джона Мейнарда Кейнса: «Партия либералов по-прежнему является наилучшим инструментом для будущего прогресса — если бы только у нее были сильное руководство и правильная программа» [4, с. 231]. Цель «либеральной повестки дня» — переход к новой ступени общественного договора, построение разносторонне развитого гражданского общества в рамках стройной и эффективной государственной конституции. В перспективе конца 1980-х гг. Дарендорф видел также формирование мирового («всеобщего») гражданского общества, предначертанного еще в работах Канта.

Таким образом, в очерке сэра Ральфа мы видим концепцию, основанную на либеральной теории конфликта. Через ее призму рассматриваются процессы истории XX в., через нее делаются прогнозы на будущее. Через полтора десятка лет мы уже вправе проанализировать их осуществимость и, если подойти шире, оценить успехи и провалы либеральной политики этого периода («политики свободы», в терминологии Дарендорфа). Как уже отмечалось, мы стремимся сделать это, привлекая в первую очередь материал, связанный с опытом развития постсоветской России.

Прежде всего, необходимо вернуться к «временному контексту» работы. В период написания Дарендорфом «Современного социального конфликта» идеи либерализма рассматривались рядом (если не большинством) политических мыслителей как указатели «столбовой дороги развития человечества». Не все принимали их безоговорочно, но мало кто сомневался, что проект будущего рисуется в либеральной палитре. Наверно, в наибольшей степени отразил это Френсис Фукуяма, объявив о «конце истории», который наступает

в связи повсеместным и окончательным торжеством либерализма как системы общественных отношений [8]. Создавалось впечатление (которое, кстати, находит свое отражение и в общем духе работы Дарендорфа), что «час торжества» либералов пробил.

Однако по прошествии полутора десятилетий мы видим совершенно иное восприятие подобных идей. Некоторые политические мыслители Запада все более пессимистично оценивают перспективы всеобщего торжества либеральной модели, говоря о разгорающемся конфликте цивилизаций, «сумерках западного мира» и даже его смерти (концепции С. Хантингтона, К. Коукера, П. Бьюкенена) [1]. В России же разочарование в либеральной идее (как в обществе, так и в научно-публицистических кругах) достигло максимума. Период либеральных реформ 1990-х гг. воспринимается как катастрофический, на либеральные партии возлагается ответственность за его результаты, вследствие чего они вытесняются на периферию политического процесса. Продолжая декларировать приверженность демократическим ценностям, первые лица государства на практике стремятся в первую очередь к усилению государственного влияния на многие сферы жизни общества, и прежде всего на экономику. Рассматривая тенденции политического развития России в 1990-2000-е гг., в пору говорить о произошедшем за полтора десятилетия расцвете и упадке либерализма. Кажется, следующим шагом может стать объявление либералов в общественном мнении «врагами народа» и «агентами влияния» без каких бы то ни было оговорок. И в то же время мы видим, что экономическая стратегия правительства в основе своей остается либеральной, о чем свидетельствуют предпринимаемые и готовящиеся меры: «монетизация» льгот, «вторая волна» приватизации, принятие законов о собственности и т.д. В чем причины и смысл такого противоречия? Не является ли оно парадоксальным?

Постараемся разобраться, почему «блеск» российского либерализма сменяется его «нищетой». В начале современного этапа развития российского либерализма его представители выступали как «партия прав». Они сосредоточивали свои требования в политической сфере, стремясь избавиться от оков официальной идеологии, а затем — демонтировать механизмы советского режима, представлявшиеся рудиментарными. В своем обосновании экономических реформ либералы уповали на универсальность законов экономики и как следствие — на «практическую магию» свободного рынка. Казалось, стоит запустить его основные механизмы — и благосостояние широких слоев общества станет реальностью. Через краткий период «шоковой терапии» к свободному и процветающему обществу — такую стратегию декларировали российские либералы в начале 1990-х гг.

Чтобы не быть голословными, сошлемся на самих теоретиков российского либерализма. Несколько позже, в 1994г., один из главных творцов либеральных экономических реформ, Е. Т. Гайдар, попытался проанализировать их развитие в своей программной работе «Государство и эволюция», являющейся «промежуточной саморефлексией». Характеризуя экономическое развитие

России, Гайдар отмечал, что основной задачей для нашей страны является вхождение в «социально-экономическое пространство западного общества». С его точки зрения, «речь идет не о невмешательстве государства в экономику, а о правилах этого вмешательства, т.е. о том, что будет представлять из себя государство». Говоря о необходимости демонтажа «государства восточного типа», Гайдар считал главным достижением своей экономической политики ликвидацию номенклатурного капитализма, шаг «из царства бюрократической свободы в царство рыночной необходимости», который якобы удалось сделать [3]. Однако, много и логично рассуждая о необходимости построения нового государства, функционирующего в духе кейнсианских идей, Гайдар не упоминает, что либеральные реформы фактически имели совсем другое следствие. Они привели к возникновению и доминированию крупного (и сверхкрупного) бизнеса, интересам которого, по признанию самого Егора Тимуровича, отвечает «полулиберальная экономика: либеральная для него, но не либеральная для других» [3]. Но именно таковой и явилась российская экономика в конце 1990-х гг., союз капитала и бюрократии! Таким образом, сложилась модель, в которой неэффективность сочеталась с вопиющей несправедливостью. Давая большинству эфемерные права, она создавала возможности их обеспечения (многократно избыточного) для очень немногих. По данным аналитического центра Юрия Левады, общая численность малообеспеченных россиян, доходы которых не превышают прожиточного минимума, составила в 2004 г. 29,6 млн человек. 12 % из них — граждане трудоспособного возраста [7]. При этом и стоимость труда в России отстает от необходимой в несколько раз [2].

Происходящая параллельно «революция потребностей» сделала антагонизм между правами и их обеспечением еще более острым. В России не только не сложился дарендорфовский «класс большинства», но и произошло во многом противоположное — меньшинство, которому удалось соединить права и их обеспечение, провело весьма отчетливую границу между собой и остальным обществом и встало на ее охрану. По сути, источник его благосостояния — в обнищании этого большинства, а иного полулиберальная экономика не допускает.

Не сваливаемся ли мы при таком анализе в экономический детерминизм, одно из наиболее тяжких обвинений Дарендорфа марксистской теории? Думается, нет. Напротив, мы берем за основу постулат сэра Ральфа о многовариантности взаимодействия политики и экономики. Ведь российская экономическая и социально-политическая модель 1990-х гг. была выстроена при активном участии лидеров российского либерализма, большинство из которых действовало вполне сознательно. Согласитесь, трудно поверить, что люди, в большинстве своем имеющие блестящее образование и развитый интеллект, могли оставаться «незрячими» столь долго. Некоторое время они продолжали ссылаться на «тяжелое наследие советской плановой системы» (а их нынешние хулители ссылаются на «тяжелое наследие либеральных реформ»), но к настоящему моменту идеологически обанкротились. Однако вопрос о вине и ответс-

твенности для нас не является ключевым (к тому же он весьма неоднозначен). Гораздо важнее и интереснее с научной точки зрения вопрос о причинах произошедшего, к которому мы вновь и вновь должны возвращаться.

Конечно, первый из ответов, лежащих на поверхности, — «плохие либералы». Ряд крупных фигур российского либерализма, долгое время находившихся у власти, действительно предпочли интересам проведения либеральных реформ свои личные интересы. На этом заостряет внимание в своем «письме из заключения» М. Ходорковский. «Те, кому судьбой и историей было доверено стать хранителями либеральных ценностей в нашей стране, со своей задачей не справились... Фактически сегодня мы ясно видим капитуляцию либералов... Их страх перед тысячелетним прошлым, сдобренный укоренившейся в 90-е гг. могучей привычкой к бытовому комфорту. Закрепленная на генетическом уровне сервильность. Готовность забыть про Конституцию ради очередной порции севрюжины с хреном» [9]. В своем послании Ходорковский вскрывает механизмы лоббирования и принятия решений, превратившие либеральные реформы в путь к демократии для избранных. Не будем здесь подробно останавливаться на основных его тезисах, тем более что они широко обсуждались в первые месяцы 2004 г. Отметим лишь один из них: «... для денег либеральная среда вовсе не есть необходимость.... Гражданское общество чаще мешает бизнесу, чем помогает. Потому что оно отстаивает права наемных работников, защищает от бесцеремонного вмешательства окружающую среду, открытость экономических проектов, ограничивает коррупцию» [9]. Таким образом, отлаживание сложных механизмов гражданского общества (без которого свобода остается «тростинкой на ветру») вряд ли входило в планы российских либеральных реформаторов в 1990-х гг. Структуры гражданского общества были необходимы для них постольку, поскольку могли защищать интересы крупного бизнеса, и не более того. Словом, процесс политической маргинализации данного поколения российских либеральных политиков вполне закономерен, и вряд ли его политическая смерть будет оплакана Россией.

У российской «партии либералов» не оказалось ни «сильного руководства», ни «правильной программы». Следует ли из этого, однако, вывод о принципиальной неприменимости либеральных идей в формировании концепции развития России, об окончательном и бесповоротном разрыве с либеральной традицией? На наш взгляд, это было бы крайне опасно для страны прежде всего потому, что антитезой либерализма в российской политике, как правило, является максимально возможное огосударствление политического пространства. Когда государство принимается укреплять свои позиции, аргументы для этого обычно сильны и неопровержимы. В самом деле, мог ли кто-нибудь оспорить их осенью 1999 г., когда уровень угроз социально-политической системе стал близок к максимальному? Но однажды начав, государство уже не в силах найти возможности самоограничения, вследствие чего возникает худшая форма произвола. Главная ошибка в логике «государственников», рассуждающих о необходимости его усиления, — в том, что они рассматривают этот процесс,

как расширение полномочий органов власти. Собственно, это и приводит к «за-
чистке» социально-политического пространства от всех «выступающих», про-
тиворечащих официальной линии элементов, вполне возможно, помимо воли
и желания конкретных государственных лиц. Между тем сила государствен-
ной власти проявляется прежде всего в способности ответственно и макси-
мально полно реализовывать имеющиеся ограниченные полномочия. Конечно,
в период общественных кризисов объемы этих полномочий могут возрастать,
но до определенных пределов, т.е. одним из условий создания эффективного
государства является его сознательное самоограничение, связанное с форми-
рованием структур гражданского общества.

На наш взгляд, они, равно как и демократические институты и процедуры,
должны рассматриваться с точки зрения инструментальной ценности. Одна
из главных ошибок российского либерализма, заводящая в тупик его идеоло-
гов, — позиционирование «демократии по западному образцу» в качестве са-
модостаточного высшего идеала. Однако она необходима обществу в той сте-
пени, в какой помогает решать насущные проблемы. Для того же, в общем-то,
она нужна и государству. С точки зрения управления общественными отноше-
ниями демократизация помогает государству вовремя распознать назреваю-
щие конфликты и перейти к их регулированию («получить в союзники ритм
истории»). Стремление к всеобщему огосударствлению, ложно воспринимае-
мое как благо, на практике приводит к возникновению барьера между обще-
ством и государственными структурами, который ни одна, ни другая сторона
не в силах преодолеть. Своеобразными историческими «кейсами» в данном
случае могут служить структуры Российской империи и СССР в последние
годы их существования. Разрушение такого рода государственного устройства
весьма стремительно и видится необъяснимо-пугающим, хотя на деле весьма
логично: государство, не выполняющее в нужном объеме общественно значи-
мых функций, не справляющееся с регулированием социальных конфликтов,
становится мельничным жерновом на шее общества. Не факт, что общество
спасется, избавившись от него, но при его наличии не спасется точно.

Стабильность государства не может рассматриваться как бесконфликт-
ность. Общество, в котором отсутствуют структурные конфликты и противоречия,
представить весьма сложно. Во всяком случае, современное российское
общество не относится к таковым. По своей природе государство призвано ре-
гулировать конфликты в обществе и не может отказаться от выполнения этих
функций. Является ли благом общественное единство? В кризисных ситуациях
необходима высокая степень сплоченности, однако она не может поддержи-
ваться слишком долгое время, разве что массивной мобилизацией. В це-
лом достаточную степень единения обеспечивает базовый консенсус («обще-
ственный договор»). При этом его действенность может быть обеспечена лишь
действительным согласием основных слоев и институтов общества с предлага-
емыми основами существования. В современной России предпосылку для фор-
мирования такого согласия мы видим в объединении общества вокруг фигуры

популярного лидера начала 2000-х гг. — президента РФ В. В. Путина. Однако такое объединение может рассматриваться только как первичное и нуждается в «конвертации», т.е. на его основе необходимо сформировать «общественный договор», имеющий внеличностные основания, для чего необходимо реформирование структуры взаимодействия между обществом и государством.

Если укрепление государства и в дальнейшем будет рассматриваться как расширение его полномочий, возможно нарастание социальных конфликтов. Выстроенная система властных отношений «вертикального типа» на деле оказывается весьма непрочной. В такой ситуации конфликты и кризисы становятся особенно опасны, так как возникают «внезапно» для государственных структур и вызывают зачастую неадекватную реакцию. Примером может служить кризис начала 2005 г., связанный с «монетизацией льгот». Власть показала и недостаточную степень понимания реальных проблем общества, и неспособность регулировать возникшие в форме акций протеста конфликты. Призывы найти и наказать «зачинщиков беспорядков», нарождающаяся фобия «оранжевых революций» — это признаки растерянности. Гражданские структуры, способные стать «буфером» между органами власти и обществом, отсутствуют. Так, ни одна парламентская партия не смогла оказать существенного влияния на исправление явных недостатков в законопроектах о «монетизации». Подобные «ошибки» при существующей организации функционирования институтов власти являются, скорее, системными. На каком-то этапе они начнут оказывать влияние на популярность главы государства, высокий уровень которой является гарантией существования сложившейся системы. Управление конфликтами «в пожарном порядке» при таких условиях грозит государству политическим банкротством.

«Новый общественный договор» в современной России все еще не сформирован. Необходимость включения в его разработку структур гражданского общества все больше осознается и обществом, и государством (хотя это осознание происходит пока что стихийно). Новые культурные связи, лигатуры, как называет их Дарендорф, неизбежно формируются в процессе модернизации. Поэтому апелляция к российской традиции самодовлеющего государства не является в данном случае правильным выходом. Сама культура общественно-государственных отношений нуждается в существенном изменении, без которого государство в конечном итоге не сможет справиться с нарастанием социальных противоречий и конфликтом. Структуры гражданского общества — необходимые инструменты регулирования. Однако дать импульс для подобного изменения может само государство [6], если окажется способным к самоограничению ради выживания и дальнейшего развития.

В заключение вернемся к работе, послужившей основой для данного эссе. Конечно, не все идеи, высказанные сэром Ральфом, находят свое подтверждение в современной практике. Возникновение глобального гражданского общества, равно как и сотрудничество большинства государств ради его построения, — очевидно, более далекая перспектива, чем это казалось в конце

1980-х гг. Но и несбывшиеся прогнозы порой важнее реализованных — они дают возможность сформулировать новые вопросы. Несомненно, что работы Ральфа Дарендорфа, увидевшие свет в последние десятилетия, в том числе и после отмеченного в 2004 г. юбилея, еще не раз станут почвой для дискуссий и научной полемики.

Библиографический список

1. *Баталов Э.Я.* «Новый мировой порядок»: к методологии анализа//Полис. 2003. №5.
2. Бедность тянет Россию в пропасть, но богатых это, похоже, не волнует//Аргументы и факты. 2004. 13 окт.
3. *Гайдар Е.Т.* Государство и эволюция. Как отделить собственность от власти и повысить благосостояние россиян. СПб.: Норма, 1997. (См.: <http://p16q48.firstvds.ru/gaidar.htm>)
4. *Дарендорф Р.* Современный социальный конфликт. Очерк политики свободы. М.: РОССПЭН, 2002.
5. *Дмитриев А.В.* Социальный конфликт: Общее и особенное. М.: Гардарики, 2002.
6. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейа, 2002.
7. Унижение//АиФ Долгожитель. 2004. № 24. 23 дек.
8. *Фукуяма Ф.* Конец истории?//Вопросы философии. 1990. № 3.
9. *Ходорковский М.* Кризис либерализма в России//Ведомости. № 52 [1092]. 2004. 29 марта.
10. *Darendorf R.* Society and Democracy in Germany. Westport, Conn.,: Greenwood Press, 1969.